

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

С Л О В О

въ недѣлю 23-ю по Пятидесятницѣ*).

Посланіе къ ефесянамъ, изъ котораго взято нынѣшнее апостольское чтеніе, исполнено возвышеннаго благодаренія за то, что „Богъ, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбилъ насъ, и насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ со Христомъ... и воскресилъ съ Нимъ“ (Ефес. 2, 4—5).

О какихъ же мертвецахъ говоритъ св. апостоль? Вѣдь, люди, которыхъ онъ называетъ мертвыми, почитали себя живыми. Развѣ не кипѣла жизнь со всѣми ея страстями въ тѣхъ язычникахъ, которые потомъ обращались ко Христу? Да, но мертвыми св. апостоль называетъ не тѣхъ только людей, у которыхъ заглохла вся жизнь души, которые живутъ только тѣлесною жизнью, называютъ такъ и тѣхъ, у кого кипитъ жизнь страстей въ душѣ, но которые мертвы для Бога, отдѣлили себя отъ Источника истинной жизни. Для св. апостола „живые мертвецы“—всѣ люди, у которыхъ сердце потеряло способность жить для Христа или просто не чувствуетъ потребности въ общеніи съ Тѣмъ, въ Комъ „была жизнь, и жизнь была свѣтъ чловѣкамъ“ (Іоан. 1, 4.). Вѣдь, и пламя огня кипитъ и бушуетъ, и люди, впервые добывшіе огонь, считали его источникомъ жизни, но если разумное употребленіе огня поддерживаетъ жизнь, то что остается послѣ огня пожара, снѣдающаго вещество и оставляющаго только обломки и кучи мертваго пепла? И море кипитъ, бурлитъ, волнуется и ему уподобляли жизнь

*) Произнесено во Владикавк. кафедр. соборѣ 30 октября 1916 г.

души издавна, но послѣ этого волненія не видимъ ли кругомъ лишь мертвые обломки и разрушеніе, хотя сама по себѣ вода и необходима для жизни? Такъ страсти житейскія которыми кипитъ и волнуется душа, носятъ въ себѣ только подобіе жизни, какъ разрушительный огонь или бурливыя волны моря. Душа, повидимому, полная жизни, кипящая отъ страстей, какъ въ огнѣ, волнуемая ими, какъ бурливое море, можетъ быть мертва для Бога, отъ Котораго получила свою жизнь и, удаляясь отъ Котораго, заграждаетъ для себя притокъ новой жизни, обрекаетъ себя на умираніе.

Какъ бы примѣромъ подобныхъ духовныхъ мертвецовъ св. Церковь въ нынѣ же читанномъ евангеліи представляетъ жителей страны гадаринской. Она, если посмотрѣть на нее совнѣ, кипѣла жизнью, шумѣвшею на улицахъ ея городовъ и селеній, но въ душѣ было царство смерти: погрузившись всецѣло въ суетныя заботы и страсти грѣхонныя жизни земной, столь яркимъ образомъ которыхъ являются погибшія свиньи, по закону Моисееву животныя нечистыя, жители гадаринскіе какъ бы позабыли о душѣ, она какъ бы умерла въ нихъ. Вотъ почему они, видя исцѣленіе гадаринскаго бѣсноватаго, отсылаютъ отъ себя Исцѣлителя Христа, потому что дороже были для нихъ свиньи, чѣмъ пребываніе съ ними небеснаго Цѣлителя, Который могъ отворять и затворять самую бездну ада и смерти. Свиньи, потопленныя въ морѣ, какъ онѣ, повидимому, должны были бы напоминать гадарянамъ, что такую участь готовятъ себѣ и сами люди, погружающіеся въ бездну гибельныхъ страстей житейскихъ! Вѣдь, это потопленіе свиней въ морѣ такъ напоминало бывшій нѣкогда всемірный потопъ, отъ котораго погибло все, живущее на землѣ, и только тлѣніе и смерть всюду видны были, когда воды потопа сошли съ лица земли. Нѣкогда Духъ Божій носился надъ первозданною бездною, вливалъ жизнь въ это мертвое вещество, тѣмъ болѣе въ человѣка, которому не

только сообщилъ Богъ „дыханіе жизни“ подобно прочимъ земнымъ тварямъ, но особо вдунулъ дыханіе Своей жизни отъ Духа Своего, дароваль способность жить иною высшею жизнью, какая въ Самомъ Богѣ, Источникѣ жизни. Но вотъ люди забыли о Богѣ, они душу смѣшали съ плотью, дали замереть въ себѣ жизни духа, почему не могъ уже Духъ Божій пребывать въ этихъ людяхъ, потому что они стали „плотью“ (Быт. 6. 3). Это тлѣніе, бывшее всюду на землѣ послѣ потопа, какой образъ смерти духовной, погубившей допотопныхъ людей, какой образъ того, какъ мертвы были души этихъ людей для Бога, для добра! И чѣмъ далѣе шли вѣка, тѣмъ болѣе „царствовала смерть“ (Римл. 5, 14, 17) надъ родомъ человѣческимъ. Не даромъ св. пророкъ Іезекииль, взирая духовнымъ пророческимъ взоромъ (37 гл.) на духовную жизнь всего міра, уподоблялъ ее полю, полному костей сухихъ, мертвыхъ, въ которыхъ нѣтъ дыханія жизни.

Но вотъ явился Христосъ, и снова повѣяло дыханіе жизни. Какъ живительное солнце, взошеть Онъ надъ духовно омертвѣвшимъ міромъ, и всюду началось воскресеніе. Какъ укрощалъ Онъ бурю на морѣ, такъ стало успокаиваться съ явленіемъ Его въ мірѣ море погибельныхъ страстей житейскихъ. Какъ прежде сожигали эти страсти души, опаляли ихъ, подобно зною въ пустынѣ, выжигали въ нихъ все доброе, такъ теперь Господь угащаетъ потоками благодати Своей это пламя страстей, клокочущее въ сердцахъ человѣческихъ, затворяетъ двери самой геенны, откуда это пламя возжигается. Земля пустая и необитаемая, выжженная зноемъ солнца пустыни, какой уподобились души человѣческія, начинаетъ процвѣтать. Если до Христа язычники были „исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены ненависти, зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія“,... „дѣлали всякую нечистоту съ ненасытимостью“ (Римл. 1, 29; Ефес. 4. 19); то по пришествіи Христа какъ процвѣла эта духовно мертвая пу-

стыня! Какъ люди, всецѣло прежде сердцемъ привязанные къ землѣ съ ея страстями, бросали все земное по одному слову Христа: „иди за Мной“, или слагали свои достоянія къ ногамъ апостоловъ! Какой притокъ новой духовной жизни почувствовали они въ себѣ, если никакія гоненія міра, страданія и смерть не могли отнять у нихъ радости Христовой (Іоан. 16. 22)! Это — „воскресеніе первое“, духовное (Апок. 20. 5), отъ умершвляющихъ духъ страстей. Совершилось ли съ нами это воскресеніе? Вѣдь, и мы, когда крестились, то въ смерть Христову крестились, чтобы, „какъ Христось воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни“ (Римл. 6, 3—4). Не случилось ли однако съ нами, что тѣло было лишь тогда омыто водою, а совѣсть отъ „мертвыхъ дѣлъ“ не омыта (1 Петр. 3. 21; Евр. 9, 14)? Мы, которые въ день крещенія «сочетались Христу» въ залогъ обрученія съ Нимъ воспріяли „печать дара Духа Святаго“ (2 Кор. 1, 22), не стали ли уподобляться часто неблагодарнымъ, духовно-мертвымъ жителямъ страны гадаринской, отославшимъ Христа отъ своихъ предѣловъ? Ибо, вѣдь, такъ часто сердце наше хочетъ быть вдали отъ Христа, не стѣсняемое Имъ, отдаваться своимъ нечистымъ похотѣніямъ, какъ не хотѣли жители страны гадаринской терять свиней своихъ.

Какъ же необходимо намъ, чтобы не сдѣлаться духовно мертвыми, удерживать около себя Христа, постоянно пребывать съ Нимъ, подобно исцѣленному гадаринскому бѣсноватому (Лук. 8. 38), жить общеніемъ съ Нимъ! Какъ необходимо давать животворящему вѣянію Духа Его чаще вѣять въ душахъ нашихъ! Не легко и не тотчасъ зарождается жизнь ереди царства смерти, но все же зарождается. И въ знойной, выжженной солнцемъ пустынѣ, вѣдь, зарождается жизнь: вѣтры приносятъ пыль, образующую плодоспособную почву, а также влагу, эту почву орошающую, когда пыль осядаетъ въ большомъ количествѣ; и тамъ, гдѣ была

пустыня, является цвѣтущей оазисъ. Не такъ ли должны и мы давать чаще дыханію Св. Духа навѣвать въ души наши святыя мысли, чувства, желанія, которыя, осѣдая въ нашей душѣ, а не разсѣваясь постоянно, образовали бы жизненное ядро, плодоносные уголки въ душахъ нашихъ, орошаемые и процвѣтающіе все болѣе и болѣе благодатными токами изливающагося на изсохшія души Св. Духа (Іоил. 2. 28; Исаи 44, 3)? Нелегко вылѣчить больного, въ которомъ жизнь тлѣетъ лишь подобно слабой искоркѣ, такъ что едва можно опредѣлить, живъ онъ еще, или уже мертвъ; но врачъ, прилагая великіе труды, возвращаетъ къ жизни нерѣдко и такого больного. Если же при излеченіи тѣла употребляемъ мы столько усилій, то не тѣмъ ли болѣе должны прилагать усилій къ оживленію души, которая дороже всего міра (Матѣ. 16, 26)? Если врачъ тѣла употребляетъ разныя врачества, предписываетъ больному строгую діету и опредѣленный строй жизни, то какъ необходимо для оживленія души прибѣгать къ врачеству духовному покаянія и молитвъ, къ воздержанію отъ всѣхъ душевредныхъ страстей, какъ бы духовной діетѣ,—установить ее твердо въ строѣ жизни Христовой по заповѣдямъ евангельскимъ!

И Господь, видя труды наши, предпринимаемые ради того, чтобы жить въ общеніи съ Нимъ, даруетъ намъ въ изобиліи жизнь Свою. Онъ, нѣкогда оживлявшій Духомъ Своимъ первозданное мертвое вещество, тѣмъ болѣе пошлетъ Его, чтобы оживлять наши души. Онъ, нѣкогда при Ноѣ потопомъ истребившій человѣческой грѣхъ, а съ нимъ и людей, нынѣ «водою и Духомъ» оживитъ мертвое по слову Его, сказанному чрезъ пр. Осію: «отъ власти ада Я искуплю ихъ, отъ смерти избавлю ихъ. Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда? Раскаянія въ томъ не будетъ у Меня» (Осіи 13, 14). И если Господь нѣкогда предъ потопомъ «раскаялся» о созданіи человѣка, сдѣлавшагося

„плотию“ (Быт. 6, 3,6) то можетъ ли раскаяться о томъ, что ожили кости сухія, вошелъ духъ жизни въ «весьма, весьма великсе полчище» (Іезек. 37, 1—10) духовныхъ мертвецовъ?

Епископъ Вагдей.